

ДЭЛУЯ
А. А. Засимов

Ангелина Засимова

Дэлия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70384393

SelfPub; 2024

Аннотация

В далеком Белом лесу исчезла девочка. Лес уже забирал ее два года назад, а потом вернул – испуганную, совершенно другую. Дэлии диагностировали пограничное расстройство личности после той вылазки. Этой весной за дело берётся тот же следователь, который его вёл и который успел в былое время закрутить непродолжительный роман со старшей сестрой пропавшей. Тем временем к соседям возвращается пропавший ребенок, завернутый в белую простынь.

Ангелина Засимова

Дэлия

В далеком неизученном Белом лесу исчезла девочка. Лес уже забирал ее два года назад, а потом вернул – испуганную, совершенно другую. Дэлии диагностировали пограничное расстройство личности после той вылазки.

Этой весной за дело берётся тот же следователь, который его вёл и который успел в былое время закрутить непродолжительный роман со старшей сестрой пропавшей. Свет на дело проливает внезапная новость: кто-то из жителей хищняет детей, делая с ними страшные вещи...

«Дорогая моя, я пришла к осознанию веры в свою тяжесть. Ты мой идеал, сотканный из тех же материалов. Твоя тяжесть старше, больше и глубже. Выбраться из неё тебе тоже не под силу. Последствия моего поступка затянут тебя с головой в поиски. Я верю, что ты поступишь, как полагается, я верю, что ты догадаешься, в чём истина.

Как давно – совсем недавно – ты бы поняла меня без слов и поступков. И, оказись ты в моём чудовищном положении, непременно поступила бы, как я. А сейчас твой разум – пелена. Это всё возраст, переосмысление, принятие. Временной перескок невозможен. Если бы мы владели машиной времени, то всё, однозначно, сложилось бы по-другому. Но

Бог затеял нечто: обрѣк и тебя, и меня на страдание от осознания, что выход есть, но прийти к нему нет возможности. Деньги, наука и магия бессильны.

Первое действует лишь в нашем времени, второе – прогресс слаб, да и будет ли толк? Как долго ждать? А третье – третьего не существует.

Я благодарна Богу за то, что он показал мне мой путь, мою цель, мою недостающую часть. Я умоляла его об этом всю свою крохотную жизнь. И теперь, действительно, благодарна. Однако желания не всегда совпадают с возможностями. Тебе ли не знать?

Сестра, твой быт – не твоя гармония. В твоей голове великие мысли, не дай пелене возраста, переосмысления и принятия затмить их. Однако, дорогая моя, ненависть в моей душе сильнее любви к тебе. Презрение, боль, несправедливость – вот то, что ты засунула в меня. Лишь эти чувства возникают в моем воспалѣнном сознании, когда вспоминаю тебя.

Совсем скоро я воссоединюсь со своей судьбой».

Тѣплый свет от лампочки, наспех вкрученной сезонным ухажѣром Татьяны, криво падал на измождѣнное, худое лицо женщины. Старил. Уродовал. Делал лицо совершенно другим. Сжимая в холодных пальцах письмо, она молчала. Не плакала, не дрожала. Еѣ взгляд, угрюмый и потухший, был направлен в темноту, в неизвестность. Невидящие глаза. Ку-

да смотреть?

Где её искать? К кому обратиться за помощью?

Тлеющий окурок соседа-дачника Гриши ударился о траву. Прокашлявшись, он ожидающе вздохнул, не зная, как обратиться на себя внимание симпатичной соседки.

– Танька, ты чё? Я себе ежа купил, прикинь! Хочу завтра поснимать, как бегаёт. Показать тебе хотел... – Гриша смотрел на неё с прищуром, всё ещё ожидая хоть слова за вечер.

– Какого, мать твою, ежа? – Татьяна пришла в себя и посмотрела на Гришу, буквально только что осознав, что сосед опять пробрался через расшатанные доски в заборе и стоял возле порога всё это время.

Гриша хохотнул.

– Махонького такого. – Он раздвинул руки, но тут же опустил их, поймав злой и растерянный взгляд соседки. – Что случилось, Танюх?..

Женщина тяжело вздохнула и оступилась, потеряв равновесие. Поморщилась, когда сосед закурил.

– Танюх? – спрашивал Гриша, видя, как она прожигает мёртвым взглядом темноту.

– Дэла пропала, – сказала она тихо.

– Загуляла, наверное... – предположил Гриша. – Да, может, вышла, вернётся скоро.

– Куда вышла? Она два года сидит дома безвылазно, у неё от света паника, от темноты истерика. Даже, чёрт его, от открытого окна!

Таня заплакала.

– Тише, тише...

– Не трогай меня!

Гриша помолчал, испуганно моргая.

– Это как тогда? Два года назад?

– Да. Нет... Надеюсь, что нет, – сказала Таня, путаясь в словах и утирая рукавом слёзы. Вдох, выдох.

– Она найдётся, обязательно найдётся, – успокаивала себя девушка.

Она не найдётся. Это глухой поселок. Ночь.

– Но она же вернулась, значит, и сейчас вернётся. – Гриша силился поддержать Таню. – Ты это, ментов вызывать будешь?

– Сама поеду завтра в отделение, – говорила она.

– Ой, опять тут толпами по лесу бродить будут! – возмутился сосед.

– А что тебя не устраивает? Иди, малину свою пропалывай! – огрызнулась Татьяна.

– Да какая малина, ночь на дворе! Таньк, а может, ну её? Взрослая девка, как-никак. Жених, может, по интернету появился? – строил теории Гриша.

– У неё беды с головой, ты хоть понимаешь? Я её весь год после той вылазки по врачам возила, на таблетках сейчас, – говорила Таня, закипая.

– Да, Танюх, всё хорошо будет! – хохотнул мужчина.

– Пошёл ты, Гриша, – сказала она и ушла в дом, хлопнув

дверью.

Несколько лет назад старшей сестре после педагогического института предложили работу в родном посёлке недалеко от их города. Таня там проучилась вплоть до одиннадцатого класса, а потом переехала с семьёй в город и поступила в институт, грея себя надеждой никогда туда не вернуться. Надеясь найти интересную работу, веря, что все получится.

По образованию Таня географ. В студенческие годы много путешествовала с однокурсниками по родному краю. Они добирались до диких мест, куда не ступала нога человека: спускались в пещеры, сплавились по опасным горным рекам, находили уникальные растения и встречали редких животных. Невероятное количество рефератов, докладов, даже диплом девушка писала на основе своих путешествий. Но после окончания учебы жизнь изменилась. Целое лето она потратила на поиски достойной и интересной работы, но старания не увенчались успехом. Одногоруппники времени не теряли, сразу пошли либо в школу, либо окунулись в более прибыльные профессии не по специальности.

Таня поздно спохватилась насчет школы. Вакансий ближе не было. Девушка приняла решение потратить немного времени на школу в поселке, а потом возьмет и займется любимым делом! Помотавшись так с месяц, Таня устала, перееха-

ла: в поселке всё ещё стоял их дом. Родной, требующий ремонта, но ещё сносный, даже с канализацией. Но годы шли... В городе осталась сестра. Их мать завела очередного мужчину, привела его в квартиру, и младшей стало совсем невмоготу. Отчим приставал, руку поднимал, пил вместе с матерью, а матери что? У неё личная жизнь, одной остаться на старость лет не хотелось. Поэтому без вариантов Таня забрала Дэлию к себе. И рутина затянула.

Дэле не понравилась новая школа, одноклассники, учителя. К ней, как новенькому, неизведанному зверьку, наоборот, тянулись, а она не воспринимала никого. Замкнулась в себе. Приходила из школы, запиралась в комнате, и всё. Только поесть выходила иногда. Но потом у неё появилось новое увлечение: Дэла стала каждый день пропадать в лесу. Тане не нравилось, что сестра возвращается поздно вечером, а иногда ночью. Пыталась выяснить, чем же она там занимается, но ответ всегда был один: «Гуляю».

Однажды Тане предложили переехать в город: ушел на пенсию один человек, и освободилось место в институте на кафедре, но Тане пришлось отказать, потому что не могла бросить сестру, а переезжать с ней было бы проблематично: в городе им негде жить. Если бы Татьяна была одна, то придумала бы что-то, от института могли предоставить общежитие, но вдвоем гораздо тяжелее.

Затем Дэла опять начала закрываться в комнате. Что-то слушала, что-то читала, что-то писала. Таня интересовалась,

пыталась понять, что с ней происходит, но всегда получала односложные, короткие ответы. Старшая сестра списывала происходящее на переходный возраст, возможную травму после домогательств отчима, ждала, пока младшая успокоится, придёт в себя и станет более открытой. Толку не было.

Трагедия произошла с субботы на воскресенье. Субботним утром Таня уехала в город. Выпала еще одна возможность вырваться! Однокурсник предложил поучаствовать в своем проекте, позвал побеседовать. Судьба сулила экспедицию спустя много лет! Девушка вернулась домой поздним вечером. Полагая, что сестра у себя в комнате, решила не тревожить. В приподнятом настроении распланировала будущее. Как хорошо! Дождалась! Наутро тоже не стала беспокоить сестру, думая, что отсыпается на выходных. Целый день болтала по телефону с однокурсником о проекте. И только воскресным вечером решила всё-таки постучать, позвать ужинать. Ответа не последовало. В комнате Дэлы тоже не оказалось.

Таня подумала, что та ушла гулять, но как бы она прошла мимо, если Таня всё воскресенье дома проверяла тетради учеников и писала учебные планы? Внутри все сжалось. Дэла ушла вчера и не вернулась. Таня побежала одеваться, чтобы пойти искать её, но перед тем как открыть двери, краем глаза заметила, что верхняя одежда сестры и обувь на своих местах. Таня обошла весь дом, звала её, потом все-таки вышла на улицу, тоже звала, но без толку. На крики вышли

соседки, Таня спросила у них, видели ли сестрёнку, но те были без понятия.

Середина сентября. Куда она могла пойти без обуви и без куртки?

Конечно, экспедиция собралась и поехала, но без Тани. Ребята сочувствовали и очень жалели, что у нее не вышло присоединиться. Но некоторые вещи не подлежат выбору.

Искали неделю. Дэла объявилась сама. Вышла из леса на трассу. Похудевшая, замёрзшая, грязная, в красивом белом хлопковом платье. Мимо как раз проезжали волонтеры, подобрали её. Тогда-то Таня поняла, что сестра шила себе платье – вот чем она занималась по вечерам. Только почему прятала и не говорила?

Дэла с тех пор почти совсем не разговаривала, не признавалась, где была. Год ушёл на врачей, на психиатра и психолога. Девочку пичкали успокоительными и довели до состояния блеклой тени. Около двух лет Дэла не выходила из комнаты. Маршрут: школа – дом. Поступали предложения перевести ребенка на домашнее обучение, но девочка не захотела: её всё устраивало, просто не было желания ни с кем разговаривать без дела. Иногда приезжал врач, проверял. А Дэла писала, читала, что-то слушала, пила таблетки, шила одежду. Ей диагностировали пограничное расстройство личности.

Самого главного так никто и не понял: где была Дэла? Дело закрыли, но следователь, который его вёл, оставил, на вся-

кий случай, Тане свои контакты. Как хорошо, что визитка сохранилась.

Татьяна не стала тревожить человека вечером, поэтому после бессонной ночи, прочистив горло и успокоившись, позвонила следователю Ивану Ширину, надеясь, что он вспомнит её и согласится встретиться. Ширин вспомнил, позвал в отдел. Татьяна, наспех собравшись, отпросилась с работы, заказала такси и полетела в город.

В кабинете пахло новым дубовым столом, бумагами и рассыпчатым крепким чаем. Еле-еле ощущался вкус сигаретного дыма: сотрудники вышли на перекур, а окно в кабинет Ширин не закрыл. Мужчина, сложив сухие мозолистые руки на столе, внимательно слушал несчастную девушку. Таня, ссутулившись, рассказывала о случившемся. Смотрела куда угодно, только не на следователя, как будто было стыдно перед ним, как будто она должна была её беречь, как будто они зря её искали... Как будто бы он её осудит и откажется.

– Значит, говорите, вчера вечером, н-да... – цокнул языком Ширин, постукивая зажигалкой по столу. – Это вы молодец, что мне позвонили, а вот что только на следующий день – плохо, она же у вас, это самое, ну, сами понимаете, не хочу выражаться... Еще и несовершеннолетняя. Или уже да?

– Ей через неделю восемнадцать. Извините, – вздрогнула

Таня, опустив взгляд. Она казалась себе жалкой.

– Что же вы, Татьян, так... Поблекли совсем. Помню, такая красotka была!..

– Вы откроете дело? – перебила его Таня, не горя желанием выслушивать комментарии по поводу своего внешнего вида.

– Откроем, конечно. Вот только не я, у меня четыре бытовухи висят, школьники бомжа до смерти избили, цыгане на окраине героин варят. Так что никак не вывезу. Хочу передать своему бывшему ученику. Вы помните Вадима? Со мной тогда был.

Татьяна вздрогнула, когда он упомянул это имя.

– Не помню, – буркнула она, чувствуя, как внутри всё закипает от мысли о том, что они опять увидятся. Мало того, он дело возьмёт.

– Как так не помните? Вадим Кариев! Коренастый такой, черноволосый... – начал описывать его следователь, чтобы Таня вспомнила. А Таня помнила, ещё как помнила.

– А, да... Да, да, вспомнила. А вы уверены, что именно ему надо это доверить? Думаю, в отделе полно других сотрудников, – с надеждой в голосе спросила Таня.

– Так Вадим дело со мной вёл, помнит, да ещё и из отпуска вчера вернулся, отдохнувший, со свежей головой. Так вы, это, если переживаете, то не переживайте, он человек уже опытный, под моим началом как-никак рос. А я приглядывать буду за ним, за вами, за обстановкой, курировать по

возможности, – поддержал её Ширин.

Татьяна вздохнула.

– Переживаю. Кстати, вот, последняя фотография её...

– Как замечательно. Танюш, вы держитесь, он найдёт, обещаю. Вадим к вам сегодня с ребятами придет, осмотрят всё. Главное, не трогайте ничего. Я ему позвоню сейчас, а вы пока домой езжайте, кофе себе сварите...

«Кофе себе сварите», – усмехнулась мысленно девушка.

– Буду с нетерпением ждать, – улыбнулась Татьяна, еле сдерживаясь, чтобы скривиться.

Вадим Кариев. Кто бы мог подумать! Как его земля ещё носит?

Таня негодовала. Не думала она, что судьба вновь сведет её с этим человеком. Прошло полтора года с последней встречи.

Вспыхнувшая в груди пламенем ненависть тот же час стерла с лица жалкое выражение и приободрила.

Дома Таня наспех прибрала вещи, помыла полы, но решила оставить тетради и документы на столе: она ведь работает, а не его ждет. В комнату Дэлы не заходила.

Платье чёрное, платье серое... Нет, пожалуй, кофта с вырезом, джинсы... Да, те, поновее. Или нет. Зачем? Весь шкаф выпотрошила. Бросив одежду на кровать, девушка се-

ла прямо на неё, закрыв лицо руками. Для чего маскарад? Он того не стоит. Нет, не для него. Для того, чтобы показать, что она что-то из себя представляет, что она такая же красивая и счастливая. Без фанатизма!

– Тань, возьми себя в руки, – сказала себе девушка, встала и подошла к зеркалу. Нужно накраситься.

Зазвонил телефон. Незнакомый номер. Да нет же, просто не записан, а цифры вполне себе знакомые.

Тело окатило холодной дрожью. Это организм дал знак, что ничего хорошего не будет – не нужно брать вообще трубку, но она не могла не взять.

– Да?

– Здравствуй, Тань, – прозвучал до боли знакомый голос, – это Вадим. Будем через пятнадцать минут. Ты дома?

– Да, жду, – сухо бросила она и отключилась.

Оставшись в той же одежде, девушка, мёртвым взглядом прожигая зеркало, замазала синяки под глазами, причесалась и села проверять тетради, поглядывая в окно. Планы уроков, технологические карты, отчёты – всё плыло перед глазами. Пять минут до приезда.

Два года назад... Молодой симпатичный следователь только после полицейской академии и Таня, разбитая и красивая, в этой умирающей деревне. У них сложились отношения по обстоятельствам, если можно так выразиться. Вадим на протяжении полугода поддерживал Таню, ездил к ней из города, а потом, когда состояние сестры стабилизировалось,

он стал пропадать, реже отвечать на сообщения и звонки, а вскоре вовсе испарился.

Их последний разговор:

– Вадим, у тебя что-то произошло?

– Всё в порядке, просто занят.

Спустя полтора года, сегодня, сейчас, спустя пять минут, как она села за стол, к забору подъехала черная BMW 5 серии. Таня не сдержала усмешки. Она проследила, как он, статный и повзрослевший, прошёл по тропинке и постучал.

Таня вздохнула, неспешно встала, открыла двери и пригласила войти. За его спиной стояли ещё двое ребят.

– Неплохо выглядишь, – неожиданно вбросил Вадим.

Убранные назад волосы, серый свитер, дорогие туфли. Запах – ненавязчивый и дорогой – пожалуй, Dior или Armani. Взгляд стал взрослее. Его глаза такие же, только не вызывают былого стука сердца. Лишь неприязнь. Или же ничего?

– Смотрю, тебя не коньяком с конфетами благодарят за хорошую службу, – сказала она, косясь через окно на машину.

– Ну, почему? – пожал плечами мужчина, надевая бахилы и проходя в дом. Его коллеги проделали то же самое. – Бывает и коньяк.

Татьяна рассказала ему всё то же, что и Ширину. Следователь записал её слова. Затем осмотрел комнату Дэлии.

– Ребят, подождите в машине, – сказал парень и предложил Тане сесть за стол.

Таня отодвинула стул и присела, одёрнув рукава. Вадим сложил руки на столе, покачал головой, подумал.

– Всё непросто.

– Почему до сих пор не собрали поисковиков? Где вертолёт? Она не могла далеко уйти, – сказала Таня напряжённо.

– Всё непросто, – повторил Вадим, – у нас нет такой возможности.

– И что ты предлагаешь?

– План такой. Школа ещё открыта? Первый час... У вас там принтер есть? Распечатаем её фотографию с ориентировкой. Соберём школоту в актовом зале на десять минут, обозначим ситуацию; возможно, вместе с учителями соберём отряд и пойдём вечером искать по лесу. У вас группа посёлка есть? Туда тоже нужно будет закинуть ориентировку, потом собрать добровольцев. То же самое будем распространять по группам города, волонтёры расклеят листовки. Ребята сейчас опросят соседей, – сказал следователь.

Таня подняла глаза на него и приосанилась.

– Два года назад это не помогло. Мы так и не поняли, где она была.

– Это стандартная процедура, мы обязаны так сделать, тем более, она у тебя несовершеннолетняя. Когда ей?..

– Через неделю, – ответила Таня.

– В восемнадцать лет человек сам несёт ответственность за свою смерть, – зачем-то сказал он, прищурившись. – Ты плакала всю ночь?

– Бред какой-то сказал, – закатила глаза девушка, игнорируя его вопрос. – Не надо утверждать, что её уже нет. Ты не знаешь...

– Если мы найдем её раньше, ты, как опекун, который за ней не уследил, тоже её понесешь, – сказал он, откинувшись на спинку стула.

– Если мы найдём её раньше мертвой?.. – переспросила девушка, чувствуя, как внутри всё закипает от его равнодушия.

– Таня, включи голову. Всё может быть, – вздохнул мужчина.

Зелёные глаза, холодные и безучастные, смотрели сквозь Таню. Вадим хотел быстрее разобраться с этим, сделать всё по стандарту и уехать в город по делам. По делам? О да, он уже предвкушал, как заедет за той грудастой студенткой – блондиночкой вечером; она выйдет, вся такая при параде, однокурсницы завистливо проследят взглядами через окна общежития. Сначала они поедут курить кальян, потом он её прокатит, затем домой... Там уже будет стоять пара бутылок вина... Интересно, какое она бельё наденет?

– Вадим, я думаю, дело в другом. Она не просто так ушла. Был повод. Правда, я не понимаю, какой. Такое ощущение создается, что она планировала уйти, готовилась к этому. Туда же, куда ушла или не дошла два года назад.

Следователь поморгал.

– Да, наверное, да, – сказал парень. – Так, давай, позвони

в школу, предупреди, что мы зайдём.

– Но...

Женский пронзительный визг перемешался с мужским матом. Таня встрепенулась, Вадим вернулся в реальность из грёз, подскочил к окну, Таня повернулась на стуле, не сообщая, что происходит.

– Что за чёрт?.. – выругался Кариев, вылетая на улицу.

За сырым гнилым соседским забором, который открывал вид на участок, стояла семья. Подвыпивший мужчина материл всё, на чём свет стоит, а полная женщина рыдала и прижимала к себе лохматого грязного ребёнка, завернутого в белую простыню.

– Ребят... – кивнул коллегам Вадим.

Парни неопределённо переглянулись.

– Что случилось? Я из полиции! – Вадим подошёл к забору и обратился к мужчине. Женщину захватила истерика, даже внимания не обратила.

Сосед попросил жену с ребёнком зайти в дом. Мальчик плакал и дёргался. Сосед подошел к забору и трясущимися руками поджёг сигарету. Заморосил дождь, она намокла и потухла.

– Сын на ночёвку к другу отпросился. Позавчера. В город поехал к другу. Должен был на автобусе вернуться. На связь не выходил. Всех на уши подняли, обзвонили... И вот, объявился, – мужчина заплакал. – Я найду эту тварь, я найду и задущу... С моим сыном...

Дождь прекратил моросить, одежда стала сырой до противного. Кариев окончательно проснулся. Блондинка отменяется. Обернулся и посмотрел на испуганную Таню. Что за чертовщина творится в этом посёлке?

Вадим связался с начальством, вызвали скорую. Мальчишка осмотрели, потом увезли в больницу. К сожалению, он не смог ничего внятно объяснить, потому что был в шоке. По вердикту судмедэксперта, ребёнка подвергали насилию, но более подробно будет известно на следующий день, когда его осмотрят в городе. Они сделали всё, как Вадим сказал: ходили в школу, поставили в известность население, попросили учителей распространить информацию по родителям о пропаже детей, поручили школьному активу расклеить объявления о пропаже Дэлии. Опубликовали объявления во всех местных СМИ. Опросили соседей, её одноклассников, но безрезультатно.

Прохладный ветер трогал кусты вишни под окном. Спокойно. Жужжал комар над ухом, мотылёк бился о люстру, бесновали сверчки в траве. Да, пожалуй, спокойно. Все разъехались, шум прекратился. Но это пока что на эту ночь. Что будет завтра?..

– М-да, дела, – сонно вздохнул Вадим, заходя в дом. – Ты хоть понимаешь, что, благодаря этому пацану, мы вот-вот

выйдем на придурка, который твою сестру похитил? Подождём, пока очнётся и всё расскажет. Я уверен... Господи, да мне за это дело... – мечтательно улыбнулся парень.

Таня сонно посмотрела на него.

– Я устала.

– Я бы ещё хотел осмотреть её комнату.

– Нет, езжай домой, завтра приедешь и осмотришь, – сказала девушка, полоща кружку под стареньким рукомойником. – Я устала и хочу спать, мне завтра на работу.

– Тогда иди. Я, может, тоже лягу.

– В смысле? – опешила девушка.

– Ну, спать тут лягу. Я тоже устал.

Таня помолчала.

– С дуба рухнул? Хочешь спать – иди спать в свою крутую машину! – дала ответ девушка и пошла в комнату.

Вадим пошел следом.

– Кариев, ты глухой?

– Нет, я ведь уже оставался на ночь в этом доме, – сказал ей парень, опершись на дверной косяк. – Останусь и сейчас, только в комнате твоей сестры. Думаю, она не будет против.

Парень зевал.

– Нет. Ты здесь не останешься. У тебя с головой всё в порядке? – в который раз повторила девушка, расправляя кровать. – Езжай домой, в город.

– Я не могу. Никто не может. Дорогу перекрыли, пока идёт следствие, – покачал головой Кариев. – Ладно, добрых снов.

Он махнул Тане рукой и закрыл за собой двери в её спальню. Девушка злобно вздохнула, пошла за ним следом.

– Какого чёрта? Нам продукты каждый день привозит машина.

– Заезжать можно по пропуску, выезжать с тем же пропуском. Просто так выехать отсюда теперь не выйдет, – сказал он, заходя в комнату Дэлы.

– Стой. Вадим, я не хочу, чтобы ты здесь оставался. Ты мент, ты можешь выехать легко... Тебе не место в этом доме, это моя собственность! – Таня встала в дверях, преграждая ему путь.

– Твоя собственность? Давай проверим, доставай документы. Или твоих родителей? Давай, я тогда им позвоню, спрошу, можно ли остаться, – улыбнулся ехидно мужчина.

Девушка покраснела от распирающей злости. Смотрела на него в упор.

– Я тебя понял, – сказал как отрезал парень. Игривый взгляд превратился в холодный. Подхватил портфель со стула и пошёл обуваться. – Утром во сколько уходишь?

– В девять пятнадцать.

– Зайду в девять, – сказал он и вышел.

Девушка замерла. Услышала, как хлопнули калиткой, разблокировали машину. В окне мигнули фары, но тут же погасли. Он остался спать в машине.

Она еще несколько секунд постояла, а потом пошла к себе.

– Что он о себе возомнил? – негодовала Таня, закрывая окно и кутаясь в одеяло. – Последнее дело – тратить на него силы и эмоции. Главное, чтобы сестра поскорее нашлась живой. Поскорее, поскорее!

Утро началось с того, что над ухом застучали. Сильно. Вадим вздрогнул, поморгал.

– Ты ещё ключами постучи! – пробубнил он, открывая окно и глядя спросонья на девушку с уложенными волосами, лёгким макияжем и в подчёркивающем фигуру платье-футляре. – Неплохо, – подумал он.

– Я ушла на работу. Когда закончишь, повесь ключи за светильник, – сказала она и сунула ему в руки ключи от дома. Вадим проследил взглядом через противоположное окно, как она уверенной походкой, поправляя причёску, пошла в школу.

Безумная ночь. Конечно, он не выспался. Сколько? Девять шестнадцать уже... Ага, скоро должны позвонить.

– Ни черта не выспался, все затекло, – ворчал Вадим, поднимая водительское кресло. Вышел, размялся, повертел в руках ключи.

– Здорово!

Вадим обернулся. Перед ним стоял мужик лет сорока с сапогах-болотниках, в руках держал спиннинг.

– Приветствую! – Вадим ответил на рукопожатие.

– Я Григорий, сосед Танин, дачник, творческая личность!

Вы, это, Дэлю ищите, что ли? – спросил мужчина, улыбаясь и закуривая вонючую сигарету. Вадим поморщился.

– Именно, – подтвердил Вадим, – а мы вас не опрашивали, по-моему? Расскажите что?

– А да что там говорить. Загуляла девка, вот что! – хохотнул Григорий. – Взрослая уже, чего удивляться?

– Она бы предупредила, если бы загуляла, – пожал плечами Вадим. – Когда вы в последний раз её видели?

– Да не помню, давно. Она не выходила шибко во двор, я так в основном с Таней общаюсь, – улыбнулся мечтательно Гриша.

От этой улыбки следователя перекосило.

– Понятно.

– Да вот, знаешь, – перешёл на «ты» дачник, – глядя на то, какие у них отношения с Танюхой были, я даже не удивлён. Постоянно орали друг на друга, что-то не делили постоянно. Я же не глухой, слышно всё.

– Из-за чего? – заинтересовался Кариев.

– Да там... Не знаю всех подробностей. Знаю, что Таня выпить любила, в том году что-то прямо сильно разошлась, её чуть не уволили.

– В смысле? А раньше?

– А откуда я знаю? Что-то случилось у неё, говорила, с личной жизнью проблемы, вот она и... А девка к мамке в город сбежала, наверное.

– Ясно, – холодно бросил Вадим, – у неё кто-то был за

этот год?

– Да я тебя умоляю, она же стервоза, к ней хоть так, хоть этак, всё равно отворот даст, – печально вздохнул Гриша. – Думаешь, я не пытался?

– То есть общаетесь?

– Ну, так, на участок выхожу, вижу её.

– Понял.

– Да, надеюсь, найдёте девку, а то жалко, – посочувствовал сосед. – А я, это, собираться пошёл, в город надо.

– Не получится, – сказал Вадим.

Дачник хмыкнул.

– Чего это?

– Дорогу перекрыли на время следствия. Выехать никак нельзя.

– Братан, а как быть? У меня же работа там, завтра выходить надо.

– Ничем не могу помочь, – пожал плечами следователь.

– Да как так, да что же!

– Досадно. Таковы правила. Позвоните, сообщите, что не сможете выйти, – посоветовал Вадим.

– Мне нельзя, – цокнул сосед, – уволят к едрёна матери.

Вадим сочувствующе вздохнул. Но тут же встретился с хитрым взглядом дачника.

– Договоримся? – подмигнул Григорий Вадиму.

Следователь склонил голову в раздумьях.

– Вечером найдёшь меня.

Сегодня утром у неё дома пахло пудрой, чистой посудой и кофе. Вадим нашёл на полке пачку растворимого Якобс, похозяйски поставил чайник и пошёл в комнату, до которой так и не добрался ночью. Необходимо осмотреть каждый угол, пока не позвонили. Когда позвонят из города, планы могут в корне измениться.

Комната Дэлии представляла из себя маленькую галерею искусств или уютную кофейню питерскую – сделал выводы следователь. На стенах висело несколько рисунков, на которых красовались леса, замки, девушки в старомодных платьях. И все – чёрное на белом. Маленький ночник в виде старинного фонаря. Блокнотики, западная классика, карандаши в стакане. Вадим ещё вчера полистал и книжки, и блокноты – там пусто было, ящики вчера проверил, шкаф открывал. Ничего особенного. Сегодня нужно осмотреть каждый угол. Не могла же она всё с собой забрать или ничего не оставить? Интернетом девочка не пользовалась, в социальных сетях её не было, где же... Может быть, она вела переписку с потенциальным похитителем на обычной бумаге? Да как? Сестра бы заметила... Или нет?

– Думай! – приказал он себе. – Не могла же она все с собой забрать?

Следователь тяжело вздохнул и плюхнулся на кровать, накрывая лицо руками.

– А если?.. А я смотрел?.. – спохватился парень, вскакивая с кровати и опускаясь на пол. – Ладно, под кроватью да-

же с фонариком ничего нет.

Поднялся. Постоял. Подумал. Откинул покрывало, одеяло – ничего. Он осторожно приподнял матрац и...

Ничего. Абсолютно. Обошел комнату еще раз, заглянул в каждый угол, в каждый ящик.

«Хорошо спрятать можно то, что на виду», – вспомнил фразу.

Следователь осмотрел комнату, взгляд упал на книги на столе. На виду. Он осмотрел тщательно каждую на наличие закладок или записок. Когда дошел до последней в стопке, то приятно удивился. Надо же догадаться?

Вадим держал в руках блокнот, который был замаскирован под книгу. Стенфан Цвейг «Письмо незнакомки». Видно было, что девочка сама вырвала листы с текстом и вклеила туда обычные из блокнота. Хорошая задумка.

– Поглядим, – радовался парень, садясь на кровать. – Старенький. Детский почерк. Корявый. А сколько ошибок – жуть.

«10 сентрбя. Ничего. 10 октября. Меня зовут Дэлия. Мне 11 лет. Я живу с сестрой 10 дней. У меня сестру зовут Таня. Ей 22 года. Я её люблю сильнее, чем люблю маму».

Следующие листы не несли в себе существенной информации: на них красовались перечеркнутые жирным карандашом рисунки. Вадим внимательно изучал каждый лист. Перелистнул, появился текст

«Привет, дорогой дневник. Мне скоро 14. Так незаметно и

скоро близится день моей взрослой жизни. Поеду подавать заявление на получение паспорта. Надеюсь, поеду одна, без неё».

– За год до исчезновения, так... – Вадим перелистнул, дальше были вырванные листы и перечёркнутый текст. Затем вновь отрывок.

«6.02. Холодно. Сегодня обещали сильный снег. Мне приснился сон. Там было тепло и темно. Дорога. Лес. Я бежала изо всех сил туда, где, я чувствовала, меня ждут. Тот человек тосковал по мне. Вальсировали девушки с юношами, пианист не касался клавиш, а музыка лилась. Он никогда меня не видел и не слышал обо мне, но чувствовал, что я жива, что я где-то рядом, что я иду и что мы скоро встретимся. Он так сильно ждал, а я так долго бежала, что в итоге проснулась. И так тяжко на душе. Я проснулась с тоской на сердце».

Вадим перелистнул.

«Сентябрь. Мне так тяжело и грустно, потому что меня никто не понимает. Не понимает того, что нужно оставить меня в покое! Я не желаю отвечать на её вопросы, участвовать в допросах. Это моя жизнь, и как мне поступить – мой выбор. Проблема в том, что если бы она была не такой нервной, то мы былади. Но на кухонном столе кружка для чая. В кружке, однако, не чай. Последнее время там далеко не чай...»

Парень нахмурился, продолжил читать.

«Сентябрь. Мне снятся сны всё чаще, я скоро воссоединюсь со своей любовью, я чувствую. И никакие люди и спешка не затмят и не перебьют наши чувства. Уже скоро платье будет готово, и он его увидит. Я знаю, он там будет, он ждёт меня. Пожалуй, две сотни лет уже ждёт».

Текст поразительно быстро закончился. Вадим отложил блокнот. Какие действия? Ясно одно: последние записи сделаны в том сентябре, когда девочка два года назад пропала. Так... если предположить, что речь идет о маньяке, который ее похитил и который парнишку покалечил?

– Как это связать, мать его? – простонал Вадим, накрывая руками лицо. Однако строчки про нервы и не чай в кружке его смутили. Будет пара вопросов к старшей сестре. Надо её набрать, пока время есть. Вдруг что прояснится.

Следователь поискал в контактах номер Тани, до сих пор там был. Как два года назад записал, так и остался – «Таня». Вадим набрал девушку, уже на кухне насыпая в кружку кофе и заливая горячей водой.

– Да, слушай, занята?.. А я нашёл её блокнот... Да, что? Какое письмо? Она тебе письмо оставила? Почему сразу не сказала? Ясно, забыла. Да, понял, чуть позже ещё наберу. Надо серьёзно поговорить.

Вадим, отхлебнув из кружки горячий кофе, заглянул в спальню Татьяны. При свете дня увидел, что комната такая же. Ничуть не изменилась. Те же обои, тот же шкаф, то же покрывало. Так, стоп. Письмо? На тумбе лежал листок, ис-

писанный тем же почерком, что в блокноте. Вадим осторожно взял его в руки и начал внимательно читать, понимая, что написана полная чушь.

«Дорогая моя, я пришла к осознанию веры в свою тягость...»

Телефон завибрировал в кармане. Позвонили из города. Сообщили новости по поводу мальчика.

На большой перемене школьники и учителя собрались в столовой, поэтому драгоценные двадцать минут в стенах храма знаний царила убаюкивающая тишина. Таня перебирала папки с технологическими картами. Цок-цок-цок... О, эти шустрые шаги и цоканье каблучков она узнает из тысячи. Тук-тук.

– Да, Анна Сергеевна, заходите, – поприветствовала старенькую учительницу по литературе и своего бывшего классного руководителя Татьяна.

– Здравствуй, Танечка. Очень сочувствую твоему горю. Как дела, как поиски? Это полный ужас. Ещё мальчишка бедненький. Ты как, ты держишься? – учительница приобняла Таню.

– Да, держусь. Пока что никаких новостей. Следовательно предполагает, что пропажи связаны. Всё, что известно пока что, – пожала плечами девушка.

Анна Сергеевна села за первую парту, в руках у неё были какие-то бумаги. Взгляд Тани упал как раз на них.

– Это у вас что?

– А, это... ох! – махнула головой учительница. – Да вот. Думала, как помочь вам... Может, подсказку какую найдешь. Я тут принесла сочинения Дэлии за последний год.

Зазвонил телефон. Незаписанный номер.

– Надеюсь, по делу, – Таня извинилась и отошла с телефоном к окну, через минуту вернулась. – Звонил следователь – нашёл в комнате её блокнотик. Дневник личный, наверное. Ума не приложу, что там, – тяжело вздохнула девушка, садясь на стул.

– Она уже у тебя писательница, фантазёрка маленькая, немудрено, – улыbnулась Анна Сергеевна.

– Ага, молодец.

– Мне вот кажется, что вы с ней очень похожи в этот период. Когда вам обеим по семнадцать лет было. Ты ведь писала тоже, Танечка, вспомни. Помнишь легенду про графа, у которого усадьба в соседнем поселке стояла? Ты, я помню, проект в школе даже делала на эту тему, но так и не доехали мы до нее, потому что мост сгнил.

– Ну да, было такое, может быть.

– А я Дэлии показывала его. Ещё в девятом классе. Ей очень понравилось. Говорила, что с удовольствием бы съездила туда на экскурсию. А! Так я вот о чём. Она сочинение писала на конкурс к восьмому марта. Так вот, она написала сказку маленькую, опираясь на легенду и на твой проект исторический. Её последнее сочинение творческого характера.

– Здорово, – сказала Таня, нахмурившись и не понимая, к чему это она вообще.

– Давай я тебе его зачитаю, дорогая моя. Он коротенький, – улыбнулась учительница.

– Да звонок скоро, – отмахнулась Таня.

– Пять минут у нас есть.

Таня вздохнула, посмотрела на учительницу и согласилась. Откинувшись на спинку стула, принялась слушать.

МИЛЫЙ ГРАФ

«На заре восемнадцатого века некоему графу Л. досталась усадьба от покойного дяди. Он жил в Европе, являлся студентом, но из-за наследства пришлось бросить учебу и умчаться в родные края.

Безусловно, граф мог продать имение и пустить всё на кутежи, закончить учёбу и найти достойную работу в Европе. Но решение было принято – он вернулся. Крепостные встретили нового хозяина без особой радости, но с лестью. Новые порядки юный граф вводить не стал, первые годы добродушно принимал гостей и устраивал различные встречи, даже закатил пару балов без особого удовольствия. Но вскоре хозяйство пошло на спад, крестьяне стали убегать не от хорошей жизни: мало того что нечего было есть, так он ещё и ненависть вымещал на невинных. Графу пришлось продать часть земель, потом ещё часть, пока у него не

остались крохи. Сад зарос, стены и нетронутые комнаты покрылись пылью. Крестьян распродал, оставив экономку, повариху и возницу – да и тем оставалось дожидать свой век всего ничего.

Графа Л. съедало нечто изнутри. Быть может, тоска? Он подолгу не выбирался из покоев, а если вылезал, то шёл гулять по окрестностям. Бывало, дойдёт до обрыва, что за домом, – стоит, смотрит с вершины на реку, вот-вот и оступится.

Крепостные поговаривали, что он как будто кого-то ждёт. Ждёт и никак не может дожидаться. Его переполняла глубина ожидания.

Когда померла повариха, последняя из крепостных, граф вовсе перестал разговаривать. Сам погрузил её в телегу, вырыл яму в земле и похоронил.

Шёл год безмолвия, другой. В старом доме протекла крыша, а вскоре проломилась – как раз над столовой. Граф любил подолгу смотреть на дыру, открывающую пыльное серое небо. Любил смотреть даже когда шёл дождь, – стоял, готовый промокнуть насквозь.

Одно утро стало для него переломным. Он переоделся, взял все деньги и пошёл в город, но, не пройдя и версты, вернулся. Стены как будто держали его душу, а душа тащила за собой тело. Он прикоснулся ко всей пыли, что осталась в доме, обошел каждую комнату, каждый угол. Правда, поздно ему вспомнилось, что ключи остались у эконом-

ки. Пришлось повозиться, чтобы отрыть ее могилу и достать ключи.

Граф начал писать. Нашёл у дяди старый кожаный блокнот, вырвал исписанные счётами листы и приступил. То ли чернила высохли, то ли дух иссяк – но вести дневник дольше дня оказалось невозможу.

Скиталец! Страдалец! Принц четырёх стен! На кого ты себя оставил, милый друг?

Больной, отощавший, граф не вылезал из постели. Он чувствовал смерть. Силы были лишь на глоток воды. Покинуть комнату, а тем более выйти на прогулку стало выше его сил.

Иногда граф рыдал. Бесшумно, будто сиясь скрыть слёзы от дома, от себя самого. Безделье, одиночество, болезнь – много исхода не существовало. Дом как будто не позволял ему покинуть бренный мир, как будто лечил, поил и давал сил.

Однажды граф всё-таки встал, оделся, как подобает, и покинул стены. Не дойдя и двух шагов до обрыва, упал. Дом тянул его назад. И вдруг граф совершил хитрость. Он искренне попросил сил, чтобы добраться до кровати, и родные стены одарили его. Но силы нужны были графу для того, чтобы сделать два шага.

Стоя на самом краю, глядя на лес и небо и видя лишь освобождение, он испустил дух – ноги подкосились, и тело полетело вниз, на острые камни, в глубину...»

– Неплохо, но я бы добавила художественных оборотов, – произнесла Татьяна, улыбаясь. – Да, сестренка явно имела способности, – подумала она.

– Как думаешь, почему графа съедала тоска? – спросила у Тани учительница.

Девушка помолчала немного, потом произнесла:

– Думаю, если бы графа кто-нибудь спросил об этом, он бы наверняка дал ответ. Но его никто не спрашивал, – пожала плечами географ. – Это легенда. Какая тоска? Ушла она в философию свою... Граф был спиритуалистом, изучал алхимию и прочую ересь, ставил эксперименты на крепостных, а потом на себе. Именно поэтому превратился в слабую тень, без сил и чувств. Не мог нормально есть и спать. Потом уже упал со скалы, не вынес такой жизни...

– Странно, что ты так до усадьбы и не доехала. То дождь, то экзамены, то дорогу ремонтировали, – вспоминала Анна Сергеевна. – Случайно ли место силы тебя оттолкнуло?

– Так вышло. Интересно, усадьба еще стоит?

– Мне неизвестно. Ты у нас эксперт по ней. Не хочешь съездить? Ты в своем проекте подробно написала, как туда добраться, – говорила учительница.

– Это все сказки, конечно, – улыбнулась горестно Таня. – А вот похищение детей – жестокая реальность, к сожалению.

– Анна Сергеевна! Это безумие какое-то! Я вас найти нигде не могу! – в кабинет вбежал вполосённый директор. –

Татьяна Ивановна! Сестру вашу ищут по нашим домам!

В городе пропал ещё один ребёнок. Правда, родители спохватились спустя два дня. Девочка должна была вернуться от друга, но не пришла.

Стемнело. Они обошли больше половины домов, заглянули в каждый погреб, в каждый подвал, кладовую и гараж. Растерянные жители сначала возмущались, что к ним вторгаются, что их собственность обыскивают. Узнав, однако, что в городе или посёлке может находиться маньяк, сразу откидывали все претензии и пускали.

Ничего не нашли, кроме банок с маринованными огурцами и тайников с настойками.

Мальчик очнулся, с ним побеседовали. Бледный, испуганный ребенок рассказал, где находился и что с ним делали. По его рассказам, место, в котором он пребывал несколько дней, походило на погреб. Некий мужчина подошёл к нему на вокзале в городе, попросил помочь, потом как в тумане – и он уже лежал на сырой земле в темноте и без одежды. Через некоторое время рядом с ним оказалась девочка – открыли погреб и толкнули вниз, она тоже была голой. Потом мужчина, весь в чёрном, спустился к ним, зажёл свет и заставил делать непристойные вещи на видеокамеру. Но удача оказалась на стороне ребенка и, когда мужчина повёл его в душ смыть грязь, юноша убежал.

Ребёнок не запомнил всех деталей, разум вторил одно: бе-

ги как можно дальше. Его травмировали на всю жизнь. С трудом связывал слова в предложения.

Он совсем недавно переехал сюда с семьей, они купили участок по соседству с Таней. Поэтому всех улиц и домов он ещё не успел запомнить.

– Да твою-то мать, – простонал парень, положив руки на руль.

Вадим только что созвонился с Шириным, надеясь хоть на какую-то поддержку или подсказку. Однако наставник ничего толкового не сказал. Предложил проверить камеры видеонаблюдения на вокзале в городе в то самое время, когда паренька похитили, но Вадим уже всё проверил. Ещё утром подал запрос, есть ли вообще там камеры. Есть. Только вот они уже год не работают – ремонтируются.

Тёплый майский дождик заморосил по крыше, лобовому, багажнику. Фонари зажглись. Полтора года назад тут тьма тьмушая была. Как давно он тут не был. Фонари поставили.

Глухо. Как же тут глухо. Умиравший поселок.

Вадим побарабанил пальцами по рулю и завел машину.

– Привет, Тань, ты дома? – негромко сказал он в трубку. – Слушай, да, я сейчас заеду ненадолго.

Через три минуты он был у её дома. Свет горел в одном окошке. Накинув на голову кожаную куртку, следовательно быстрым шагом прошёл до дома.

– Добрый вечер, – поприветствовала его девушка, сидя за кухонным столом. Пила чай, читала книгу.

– Добрый, – ответил он, вешая куртку. – В кружке чай?

– Чай, – помолчав, ответила девушка.

– Я нормально не могу поспать, я последний раз нормально ел позавчера, сегодня парни пирожки привезли. Вот как я твою сестру ищу, гробя своё здоровье, – высказался Вадим. – Есть что поесть?

– Могу тебе чай с пряниками предложить, – пожала плечами девушка.

– Пряники на ночь... Да давай, – сдался он.

Она встала, заглянула в холодильник. Молча достала творог, яйца, с полки взяла муку и соль – начала делать сырники. Вадим смущённо удивился.

– Ну, ты в курсе, да? Мальчик дал показания: его прятали в каком-то из погребов в вашем поселке.

– Слышала, – сказала она, переворачивая лопаткой сырники. – Все об этом сегодня говорили.

– Там девчонка с ним была, возможно, это... – он поймал встревоженный взгляд девушки, – возможно, Дэла. Однако ещё одна девочка пропала в городе. Может быть, и она. Может быть, и обе.

Таня поставила перед ним тарелку с горячими сырниками. Налила чай. Села рядом.

– Спасибо. Это благородно с твоей стороны.

– Пожалуйста, – отвела взгляд Таня. – Что ещё сказал тот парень? Его просто кто-то похитил и держал в подполье? Всё?

– Это всё, что нужно знать. Остальное распространять я не имею права, – отвечал Вадим, активно работая вилкой, – я с вероятностью в семьдесят процентов уверен, что там твоя сестра.

– Не дай бог, – вздохнула Таня. – Ты про найденный блокнот что-то говорил? Ещё я в школе раздобыла её последние сочинения.

– Умно, – кивнул Вадим.

– Спасибо.

– Ты пьёшь? – внезапно спросил он.

Девушка неопределенно моргнула.

– Что?

– Отвечай на вопрос. За шиворот закидываешь?

– Чего? – прошептала Таня.

– Отвечай. Это важно.

– Какое тебе дело? – резко бросила она, убирая пустую тарелку со стола.

– Она писала в блокноте об этом. Из-за твоих выходок она могла уйти. Могла просто в город сбежать к матери. Ты вообще звонила ей, спрашивала?

– Нет, – обронила Таня, смутившись. – Это бред. Они не общаются.

– У тебя с головой всё в порядке? Ей надо было в первую очередь позвонить, – вздохнул раздражённо следователь. – Мать родная, мало ли.

– Мы очень редко созваниваемся. Это... Нет, бред пол-

ный, – отнекивалась девушка. В холодный пруд прыгнуть, только бы не общаться с этой женщиной.

– Да чёрт! Позвони.

Опершись спиной о столешницу, девушка достала телефон из кармана и набрала мать.

– Алло, мам, да, у меня вопрос. Дэла у тебя? Ага, нет, всё нормально. Пока.

Отключилась.

– Почему не сказала, что её дочь пропала?

– Потому что ей плевать, – пожала плечами Таня.

– Понял. Так вот. По поводу твоего алкоголизма, – напомнил Вадим, крутя в руках кружку с чаем.

– Да какого алкоголизма, успокойся, – ужалилась девушка, отворачиваясь к столешнице.

– Судя по записям из дневников Дэлы, перед событиями первой пропажи, два года назад, ты пила.

– И? Что дальше? – она повернула к нему лицо. – Это не твоё дело и ничьё ещё!

– Это не нравилось ребёнку. Да кому бы понравилось?

Девушка помолчала.

– Всё не так глобально, как ты думаешь. Просто был небольшой период: нервы, школа, зарплату понизили... Потом прошло.

– Ага, я помню, что после тех событий тебя заметили, на работе стало лучше. Однако ты пила ещё и потом. Когда девочка вернулась. Когда мы с тобой перестали общаться, ты

ушла в запой. А потом тебя чуть не уволили.

– Что? Откуда ты...

– Тань, ты дурочка, скажи? Гробить свое здоровье, психику ребенка из-за какого-то бича городского? Из-за мента этого нищего? – ухмыльнулся Вадим.

– Меня чуть не уволили, потому что было сокращение. Это не твоё дело, Вадим. С чего ты взял, что это было из-за тебя? – закатила глаза она.

– Потому что ты ко мне сильно привязалась и на что-то надеялась, – сказал как есть парень. – Ещё и рассказала всем про меня. А я тебя сразу предупредил...

– ...что ничего серьёзного не будет. Именно поэтому ты взял и исчез, – продолжила она, смотря в его зелёные глаза.

– Вроде того. Уже в отделе начали шептаться, что мы встречаемся. Тань, послушай, я не тот... – начал Кариев.

Коркой льда покрылось сердце. Ком застыл в горле и замёрз. Холод. Лёд. Холодные слезы застыли в глазах. Он не заслуживает, она не отдаст ему эмоции. Девушка вздохнула и улыбнулась.

– Высокого ты о себе мнения. Откуда узнал про это?.. – склонила набок голову девушка.

– О-о-о, – посмеялся парень, – уже не отрицаешь. Сосед рассказал, ухажёр твой.

– Он не мой ухажёр, – брезгливо скривила губы девушка. В двери постучали: «Хозяйка, открывай!»

– Вспомнишь бревно, вот оно и всплывёт, – вздохнула де-

вушка и открыла. – Привет, Гриша. Что хотел?

– Добрейшего вечерочка! – поприветствовал сосед, стоя на пороге. Заглянул в дом, не входя, – молодой человек, можно вас?

Гриша махнул Вадиму. Кариев вышел, закрыв за собой двери. Таня пыталась подслушать, но не вышло: мужчины отошли к калитке. Кариев вернулся и сел обратно за стол.

– Что это было? – спросила девушка.

– Не суть. Этот бич рассказал, что ты пила и вы ссорились с Дэлой.

– Что он ещё рассказал? – закатила глаза Таня. – У сестры из-за таблеток обострилась раздражительность. Редко, но из-за какой-то мелочи могла закатить скандал после долгой молчанки. Например, если я не помою посуду тут же или забуду налить ей чай. В том числе из-за того, что иногда по вечерам я позволяла себе выпить вина. У меня не было запоев. Что за бред? Просто немного вина себе позволяла, как обычный человек. Григорий преувеличил. Ну, он человек с фантазией, он может. У киношников есть такое...

– В смысле?

– Ну, он же оператором работает на телеканале местном, – сказала как бы невзначай Таня.

– То есть?.. – задумался парень.

– Ездит по городу и области, репортажи снимает. Если смотришь наш канал региональный, то процентов восемьдесят репортажей он снимал.

Кариев поднял глаза на Таню, выражение его лица пере­менилось. Пазл сложился. Он выматерился.

– Какой же я дурак! – бросил Кариев, подскочил и на ходу набрал коллег.

– Ребята, он ещё не проехал? Ага. Отбой. Не выпускайте его. Я буду через семь минут.

Таня смотрела, как Вадим взволнованно натягивает бо­тинки.

– Что случилось?

– Кажется, я нашёл твою сестру, – сказал парень и полетел в машину.

– Вадим! – Таня выбежала следом, надеясь его догнать и всё узнать, но успела лишь коснуться пальцами багажника.

Дрожа, Таня в тишине выключила везде свет и пошла спать, не снимая одежды. Высохшие слёзы застыли в глазах. Плакать о неизвестном? Жива или мертва? Она или ещё кто-то?

На прикроватной тумбе лежали в стопке сочинения Дэ­лии, письма и найденный блокнот. Завтра выходной. Нужно будет перечитать. И ждать звонка от Вадима.

Наступило утро, следовательно всё не перезванивал. Таня не могла себе места найти, ходила из угла в угол. Попыта­лась прочесть всё, написанное Дэлией. Печальные записи в дневниках о тех самых ссорах, туманное письмо, сочинения. Во всём, что она писала, было что-то общее. Сестра про-

чала ещё одно её сочинение, которое младшая писала ко Дню всех влюблённых. Невообразимо странное, несуразно большое – «Тот, кто изуродовал любовь»:

«Однажды далеко зажглось большое чувство. Чувство вырвалось из большого сердца и пошло по людским сердцам. Люди не ведали ранее о нём, поэтому распорядились чувством бездарно. Забывали о нём, запирали его, заменяли, путали с другими и, самое страшное, ради выгоды убивали в себе. Некто узнал об этом и решил выкупить чувство у людей. Те, которые не успели убить его, с радостью продавали за сущие гроши, кто-то за еду, кто-то отдавал просто так. Некто скупил всё и спрятал в доме на холме. Теперь-то люди начали понимать, что чего-то не хватает. Некто начал продавать по кусочку чувства – кому-то больше, кому-то меньше. Кого-то обманывал и вместо настоящего чувства любви продавал подделки – безумную слепую одержимость или любовь, которую питают лишь страдания. И тогда...»

Тут она начала сопоставлять факты. Начал складываться пазл в голове. Но всё противоречило. Он ведь сказал, что нашел её.

В одиннадцать часов не выдержала и набрала незаписанный номер сама. Тревожно спросила про обстановку и что вообще произошло вчера, почему он подскочил и уехал.

– Твой сосед Григорий – главный подозреваемый, – прохрипел по ту сторону сонный голос. Прокашлялся.

– Почему? Что? – опешила девушка.

– Не могу сказать пока что. Мы его всю ночь допрашивали. Это он детей похитил, нашли доказательства у него в машине.

– Вадим, о чём ты? Какие доказательства?

– Тань, позже, мы выясняем, – сказал он и отключился.

Вадим догнал его, обыскали машину, нашли видеозаписи с детской порнографией, свежие, с тем пареньком и девушкой – не разобрать было: длинные волосы закрывали лицо. Русые длинные волосы, как у Дэлии. Гришу связали, он лишь хохотал и вторил, что не знает, откуда это у него, и требовал адвоката.

В тот же день предоставили ему адвоката, студента – практиканта. Начал возмущаться, потребовал связаться с телеканалом, чтобы ему помогли. Администрация телеканала, узнав про всё, сообщила, что увольняет этого человека, не желая участвовать в этом, тем более предоставлять адвоката. Однако она не против сотрудничать со следствием, если нужны какие-то данные на уже бывшего работника, а в обмен – информация для репортажа. Григорий сразу побледнел, когда Вадим утром приехал и зачитал ему переписку с телеканалом. Тогда уже сознался. Оказывается, ему платили неплохие деньги за детское порно на запрещенных иностранных сайтах. Но на вопрос о похищении Дэлии ответил отрицательно. Не трогал её, говорит, больно взрослая. Ему,

видите ли, платят за девушек моложе, лет так одиннадцати.

Год назад похищал ещё двоих детей из неблагополучных семей, снимал видео и отвозил в город. А в этот раз вышла осечка. Не думал, что так совпадёт и мальчик окажется жителем поселка. Ещё и через дом. Вот так невезение. Григорий любил рыбачить в лесу за посёлком у озера. Там же у него была сторожка с погребом.

Как только сельские зеваки увидели, что машина скорой помощи и полиция поехали к озеру, рванули туда поглядеть, что происходит. Недолго думая, туда же подъехали журналисты с телеканала уже с новым оператором. Добрые соседи тут же позвонили Тане и сообщили. Девушка бросила все дела и побежала к озеру.

Полиция, скорая, журналисты. Девушка безумными глазами оглядела всё, потом кинулась к машине скорой, где столпились люди. Её дёрнули и остановили.

– Вадим?

– Тань, спокойно.

– Ты сказал, что нашел её? Ты вчера сказал... – говорила она, испуганно глядя на спокойного Вадима.

– Подожди, не беги, – повторил он.

– Но там же она!..

– Это не она, эта другая девочка, – сказал Вадим, продолжая держать девушку за локоть.

– Как?..

Вадим помолчал, отведя взгляд. Отвёл ее в сторону. Рас-

сказал всё про показания парня, про видео.

– Ты когда сказала, что он видеооператор, я сразу всё понял. Ещё он хотел незаконно уехать срочно, якобы на работу, вот мы его и подхватили. Я сначала думал, что Гриша твой педофил. Оказалось, контентмейкер, чтобы его!.. – говорил Вадим, закипая. Ударил кулаком рядом стоящее дерево.

– Что за ужас! – прошептала девушка, прижав руки к лицу.

– Согласен. Не думал – вообще, кто бы подумал...

– А зачем ты выходил тогда с ним? – вспомнила Таня.

Следователь не подал виду.

– Он хотел проехать в город, просил, чтобы пропустил. Я отказал, конечно же, – солгал Вадим. – Но жучара всё равно поехал, там его и поймали.

– Странно, зачем он поехал, если знал, что его не выпустят? – сказала Таня.

– Дурачок, – пожал плечами Вадим.

Девушка закрыла глаза, глубоко вздохнув. Она всё поняла. Ладно, это не её дело. Вадим мог дать уйти преступнику из-за мелкой взятки. И только из-за того, что Таня упомянула в разговоре о его работе, спохватился. Какой же он мерзкий!

– Я рада за тебя. Поймал маньяка. Только вот вопрос открыт. Где моя сестра?

– Точно не здесь. И с ним её пропажа не связана.

– Тогда зачем всё это было? Столько дней прошло, Ва-

дим! – выкрикнула она, не сдерживаясь.

– Тише будь. Найдём, – говорил парень. Приобнял её. Девушка скинула его руки.

– Я найду, – прошептала она.

Тут же к нему подошли коллеги, поздравили, предложили отметить. Такое дело раскрыл! До этого ему Ширин звонил, сказал, что обещали повышение. Таня поняла, что лишняя тут, и пошла прочь. Вадим проводил её взглядом.

Вадим решил перенести предложение отметить успех. Коллеги начали уговаривать, но следователь отказал. Сказал, что после повышения проставится. Попрощался со всеми и пошёл в машину. Дело ещё не закрыто, нужно найти девчонку. Закончить то, ради чего он сюда приехал. У него уже мысли путались от недосыпа. Хотелось нормально поест, сходить в спортзал, потом с парнями бы пошёл в бар. Ещё и блондинка та пишет постоянно... Жаль.

– Тань, открой.

Вадим уже пять минут стоял под дверью. Стучал и в дверь, и в окна. Тишина. Позвонил в школу – её тоже там не было. Он было подумал, что она сделала с собой что-то. Из соседей как назло никто не мелькал. Вадим прижался щекой к двери, продолжая звать её. Ответа не последовало. Тогда он поднял голову и увидел ключ над светильником. Всегда туда вешает.

– Чёрт! – выругался парень. Открыл двери, вошёл в дом. На столе лежали исписанные листы, блокнот. Те сочинения

младшей сестры, о которых она говорила. Вадим пробежал глазами, поморщился: «Милый граф» – чушь какая! А тут, у нас «Тот, кто изуродовал любовь» – тоже чушь.

Кариев, раздражённый, вышел из дома.

– Вы Таню ищете? Так она ушла недавно, – послышался голос через забор. Вадим обернулся. Перед ним стояла мать мальчика. – Я вас поблагодарить хотела, что поймали этого подонка... Вот вам... Возьмите...

– Спасибо, не нужно. Куда она пошла? Видели?

– В сторону Белого леса. С рюкзаком, – сказала соседка.

– Спасибо за информацию.

– А можно вас все-таки поблагодарить? – настаивала соседка, просовывая белый конверт через щель в заборе.

– Не стоит. Я сделал то, что должен был, – бросил Вадим, злясь на самого себя. Он ещё успеет её догнать, если она пошла по дороге. Завёл машину, помчался.

Догнал. Шла по главной дороге в соседний поселок. С рюкзаком. В лёгком платье.

– Ты нормальная, вообще? – Вадим медленно поехал рядом с девушкой. Она шла вперёд, игнорируя его. – Тань, что происходит? Точно так же решила без вести пропасть?

Девушка молчала и продолжала идти.

– Ты совершаешь непонятную глупость, – продолжал говорить Вадим. – Куда ты идёшь и зачем? Решила обойти весь лес? Сама? Скоро солнце сядет.

Девушка как будто не слышала его. Вадим остановил ма-

шину, вышел и преградил ей путь. Таня попыталась обойти его, но он не дал.

– Скажи. Что за привычка дурацкая не говорить? – кричал Вадим, держа её за плечи и глядя в глаза.

– Что за привычка трогать меня?

– Тань...

– Я знаю, где она. Я догадалась, – ответила она, наконец.

– Надо было сразу позвонить мне!

– А смысл? – Таня скинула его руки с плеч. – У тебя повышение, гулянка. Что ты, вообще, здесь делаешь? Кто тебе сказал?

– Какая гулянка? – закатил глаза парень. – Надо было до конца остаться и дослушать. Я её перенёс. Кстати, приглашаю.

– Какой же ты придурок! – бросила она и дёрнулась в сторону. Вадим опять придержал её.

– Угомонись, пожалуйста. Давай сядем в машину, и ты мне всё расскажешь. Головой подумай.

Таня согласилась, они села в машину. Рассказала. Вадим выслушал.

– Бред полный. Почему ты раньше не сказала об этом? Но других вариантов нет. Поехали. Далеко?

– Потому что ты был занят. Я покажу дорогу, – сказала она и показала.

– Солнце вот-вот сядет, – сказал Вадим.

– Не думаю, темнеет поздно. Через час, может. Успеем.

– Она одержима двухсотлетним призраком. Забавно. Это последнее, о чем бы я подумал, – говорил Вадим, смотря на дорогу. – Если собрать все ее записи, письма, все что она писала – все о нем? Ты серьезно?

– Я надеюсь. Надеюсь, что это так. Потому что это последний вариант.

Девушка откинулась на спинку сиденья и повернула голову к окну. Они помолчали некоторое время. В голове крутился вопрос, который она хотела ему задать ещё в тот день, когда он вошёл в её дом. Но Вадим уже дал на него ответ тогда – ей спрашивать не пришлось. Но это был не совсем тот ответ. У неё было около тридцати минут, чтобы его задать. Пока он и она тут. Так сильно хотелось его задать. Но...

– Мне через два года тридцать лет, а я так и не смогла выбраться, – сказала она внезапно. – В мечтах остались Париж, Эдинбург, Рим.

– А я был. Только не в Риме, а на Сицилии. Ездил в отпуск.

– Вот это да! И как там? – девушка ожила.

– Жарко, красиво и дорого, – хмыкнул парень.

– Где ты был? В Палермо?

– И там. Я по всему острову прокатился практически. Незабываемые впечатления, – улыбнулся он и начал рассказывать про Италию.

Минуло полчаса за историями Кариева. Таня сверилась с картой. Перед ними открылась полужаросшая неровная до-

рога, ведущая глубоко в лес. Вадим возмущённо вздохнул, но в итоге свернул, и они поехали по кочкам. Через некоторое время выехали на поляну, за которой был обрыв, где текла почти высохшая река. По ту сторону обрыва возвышался холм, заросший орешником.

– И куда? – спросил Кариев. Вышел из машины, огляделся. – Чёрт, я во что-то наступил.

– Дальше должен быть мост, – ответила девушка и пошла через кусты по краю обрыва. Вадим пошёл следом.

– Откуда ты знаешь про мост?

– Поверь, знаю.

– И правда, мост, – хмыкнул парень.

И вот перед ними открылся деревянный навесной мостик. Старый и прогнивший. Под ним обрыв глубиной метров двадцать. Вадим сделал шаг, и доска треснула.

– Так, нет, – запаниковал следователь. – Это опасно, Тань.

– Мы практически у цели, – обернулась она. – Не пойдешь? Тогда я сама пойду.

– Тань, тут связь плохая. Пока я доеду до поселка, чтобы вызвать скорую, ты не доживёшь.

– Прекрати. Если боишься – оставайся здесь, – пожала плечами она. – Смелость и ответственность оставим для настоящих мужчин.

– Стоп. Ты про меня сейчас?

– Не имеет значения, – бросила она и наступила на первую доску. Она треснула ещё раз. Вадим оттащил Таню за локоть.

– Сколько можно?! – возмутился парень. – Ты не понимаешь? Он может оборваться, сломаться в любое мгновение, один неверный шаг – и ты внизу с поломанными ногами.

– Это единственный путь.

– Да, верно, – согласился парень, всё ещё держа её за локоть, чтобы не вырвалась. – Теперь давай подумаем, как нам пройти по нему, чтобы все остались живы.

– Темнеет.

– Я думаю.

– Всё, что ты придумаешь, я уже знаю, – ответила она. – Я легче тебя, поэтому пойду первая. Максимально аккуратно, распределяя вес по доскам, по ширине каждой доски, потому что ближе к краям доски крепче.

– Неплохо.

– Я не интересовалась твоим мнением, – бросила она резко, всё ещё не оставляя мыслей спросить у него, задать ему тот самый вопрос.

Вадим закатил глаза. Таня пошла. Он видел её рвение, он чувствовал всей душой её обиду на него. Он понимал, почему она так себя ведёт. Пренебрежение со стороны девушки – худшее, что может ощутить мужчина. Когда другие рвутся, пишут, требуют, чтобы он вернулся к ним, пытаются заманить красивыми фотографиями и предложениями вкусно накормить, а при встрече липнут и виснут, она... Ни слова за полтора года. Одна лишь обида. И гордость. А сейчас он, действительно, сожалеет, что так поступил и что вообще дал

ей надежду на что-то. И сейчас, стараясь остаться в дружеских отношениях, получает в ответ холодное презрение. Даже не ненависть, а именно жалкое презрение. И как же это бьёт по самолюбию. Будь любая другая – мигом бы поставил на место заносчивую дуру.

– Будь аккуратнее, прошу, – сказал он.

– Просто помолчи.

– Там доска следующая гнилая полностью... – увидел парень.

– Я и без тебя это вижу, – ответила она.

– Тань...

– Да сколько можно! – выкрикнула она, наступила, запнулась, и доска треснула, ломаясь пополам. Нога провалилась, Вадим бросился, наступил на первую треснутую, но и она разломилась.

Тишина.

– Всё нормально, – сказала она, дрожащими руками держась за канаты, поднялась и тихонько пошла дальше.

Кариев горько улыбнулся, опустив голову.

– Дальше дойдёшь нормально, они крепкими кажутся, – сказал парень, видя, как она заканчивает путь. И вот уже на том берегу. Таня обернулась и молча направилась в гущу кустарников.

– А подождать? – рассмеялся нервно парень. – Так, ладно, как знаешь.

Недолго думая, он предельно аккуратно прошёл по мосту.

Таня уже исчезла в орешнике. Слишком долго шёл. Обернулся, посмотрел на машину и направился следом наугад. Она могла повернуть, могла потеряться. Ну, ничего, холм небольшой – встретятся.

Тугие ветки били по лицу, как он ни пытался придерживать их руками. Продолжал идти. Спотыкался о корни, камни. Дошёл до оврага, заваленного листьями и сухими ветвями. Подумал: если бы она через него прошла, были бы следы. Следов не было. В этой яме всё что угодно может быть. Вдруг она глубокая. Рискнул. Пошёл дальше. Опустился аккуратно, пошёл дальше – яма как яма, безопасная. Прошёл ещё и вышел на поляну. Руины. Белые разрушенные колонны, остатки лестницы и белые камни. Остатки бывшего великолепия. На разрушенной стене заплетался плющ.

Вот оно! Нашли!

Вадим обежал дом по кругу и увидел её.

Таня стояла на краю обрыва.

Где сестра? Не может быть, чтобы она... Нет, она не могла!

Вадим подбежал к Тане, посмотрел вниз. Внизу струился ручей, обтекая острые камни. В камнях лежало белое хлопковое платье.

Кариев молчал. Посмотрел на Таню. Обернулся, посмотрел на дом, вновь на Таню.

– Она должна была быть здесь. Не может быть, чтобы она... где тело?.. Она голая ушла? Куда? – запаниковал сле-

дователь, рассуждая. – Ну же?

– Она была здесь. Там следы от костра у руин, – сказала девушка.

Следователь пошел осматривать дом, по пути обратил внимание на угольки от костра. Давненько жгли.

Таня подождала, пока Кариев скроется в руинах, и начала потихоньку спускаться по склону, к ручью. Соскальзывала, но хваталась за траву, за коряги. Спрыгнула на ноги. Белая хлопковая сорочка лежала в камнях. Она, встав на большие камни, чтобы не промокнуть, подхватила ее. Та же самая, как из девятнадцатого столетия. Та самая, в которой она вернулась два года назад.

Ни следов, ни чего-либо еще. Татьяна крепко зажмурила глаза, надеясь, что всё происходящее – сон. Но – увы. Девушка обернулась раздражённо, будто почувствовав, что Кариев бежит следом за ней и спотыкается. Но нет, никто не бежал. Признаться, её это немного расстроило. Таня с трудом, держа в руках мокрую сорочку, так же цепляясь за траву и коряги, поднялась наверх.

Руины. Деревья. Тишина. Девушка не увидела парня. Промелькнула мысль гордо одной пойти домой, но всё-таки солнце практически село, а впереди дорога через глухой лес. Поэтому пошла в особняк, чтобы позвать увлечённого следователя. Она обошла все колонны, все стены, звала его, но Кариева нигде не было. Вышла на поляну и покричала еще раз. Тишина.

Девушка подумала, что подлый следователь оставил её одну и уехал давно. Злая, она пошла обратно через орешник, перешла мост, пошла к тропинке.

Машина. Его машина стояла на том же самом месте. Холодные мурашки рассыпались по телу. Девушка обернулась.

– Вадим! – крикнула она во всё горло. Лишь вороны встрепенулись и качнули ветви сосен, взлетая. – Вадим, где ты? Это не смешно, выходи!

Таня задрожала. Солнце село. Она осталась одна. В глухом лесу. Время шло, Кариев так и не появился. Машину он, слава богу, не закрыл. Девушка достала из рюкзака тёплую кофту, залезла на заднее сидение и закуталась.

– Знаешь, Кариев, а я ведь так и не спросила. Да, ты уже дал ответ на незаданный вопрос, но... Нет же, мне нужно его задать. Ты ведь дал ответ на другой вопрос. Может быть, я трусиха? – говорила сама с собой девушка, чтобы окончательно не сойти с ума. – Если бы я осмелилась и спросила, наплевав на гордость. Если бы... Тогда, быть может, жить стало бы легче и я бы отпустила тебя, наконец. Но я в твоей машине. В твоей обители. Я говорю сейчас с тобой.

Капнуло раз, два. По лобовому стеклу начали сползать змейками капли дождя.

– Почему я, взрослая, зная, какой ты, всё равно выбирала, выбираю и буду выбирать тебя, хоть ты об этом никогда не узнаешь?

Шёл первый час, за ним второй, а потом наступило утро.

Никто не появился. Таня собрала вещи, закрыла машину и, боязливо обернувшись, поспешила домой. Сначала шла, в беспамятстве касаясь пальцами деревьев, а потом побежала, не оглядываясь, пока не вышла на главную дорогу. До дома часа два. Кариева мигом спохватятся. Нужно будет позвонить Ширину, рассказать про это безумие. Он не мог просто так пропасть! Взял и испарился... Чертовщина.

Солнце заструилось сквозь цветущие деревья. Прохлада и роса. Дрожащей свежестью тёплый май проснулся в лесу. Воздух наполнился запахом цветения.

Сколько дней бездумных, страшных, пронеслось, сколько лиц и сколько экстрасенсов, искателей паранормального! Место силы! Запретная зона! Однажды мост оборвался, и никто уже не смел ступить на территорию богом забытой усадьбы, некогда доставшейся графу Л. от покойного дяди.

С пропажи Вадима Кариева и девочки Дэлии прошло без малого четыре года.